

К Р О К О Д И Л

№ 32 МОСКВА 10 ОКТЯБРЯ 1945 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXIV ЦЕНА НОМЕРА — 1 РУБ. 20 КОП.

По сообщению Чрезвычайной государственной комиссии, общий ущерб, поддающийся учёту, нанесённый немецкими фашистскими захватчиками народному хозяйству и населению Советского Союза, составляет 679 миллиардов рублей.

Рис. Л. Бродаты

В ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАСЧЕТ

— Не беспокойтесь, фрейлен Маруся, я вам уплачу по счёту. Сколько вам следует за всё?
— За всё? Шестьсот семьдесят девять миллиардов!

ВЕСЫ ПРАВОСУДИЯ

ЕЩЕ ОДНА СЕНСАЦИЯ

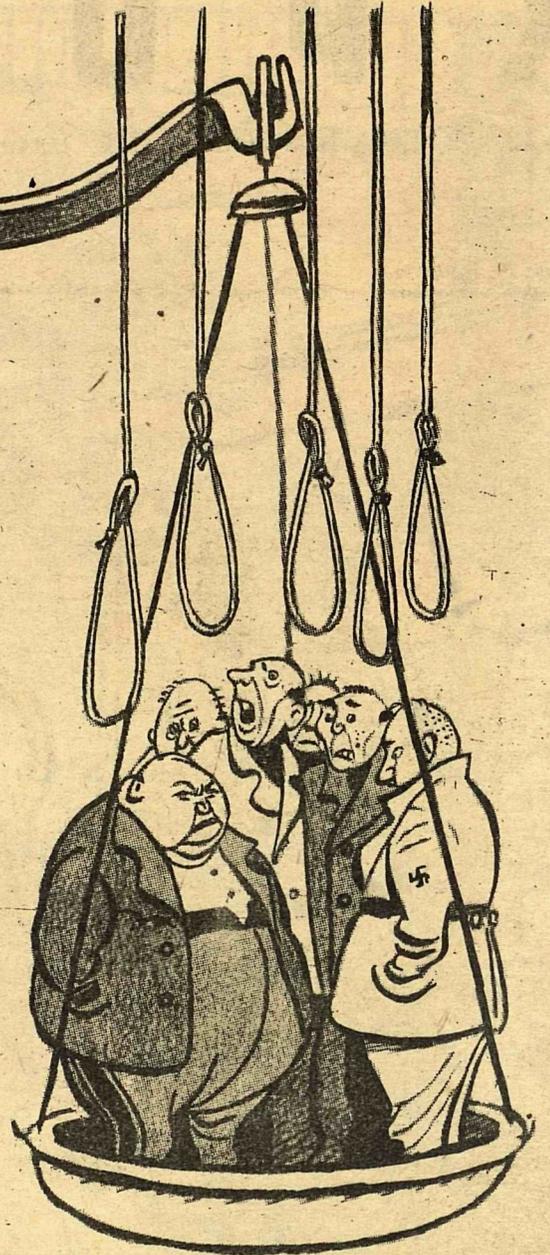
Неизданная глава из «Сенсаций и замечаний г-жи Курдюковой за границей — ДАН Л'ЭТРАНЖЕ».

Вот дама Курдюкова!
Её рассказ так мил,
Я от слова до слова
Его бы затвердил.

(М. Лермонтов. В альбом автору «Курдюковой» И. П. Мятлеву).

В книге старого поэта
Я описана, воспета
На французско-русский лад —
Это было век назад.
МА ФУА — клянусь всевышним,
Целый век — **СИЭКАЛЬ** — с лишним
Я не ездила уже
За рубеж — **А Л'ЭТРАНЖЕ**.
Говорят, за годы эти
(Их примерно сто в столетьи)
Изменились: платья — **РОБ**,
Вся Европа — **ТУТ ЭРОП...**
Я, привыкшая к дормезу,
В самолёт бесстрашно лезу —
Так изнервничалась, аж
Вся вспотела... **БОН ВОЯЖ?!**
Но бояться **ИЛЬ НЕ ФО ПА**,
То есть нечего. Европа —
Это техника. Паришь
В облаках, и вдруг — Париж!
Я в столице мод, как дома.
Выхожу с аэродрома...
Что в газетах — в **ЛЕ ЖУРНО?**
Не читала их давно.
КЕСКЕСЭ? В газетах — **скалока**
Из-за «Западного блока»,
То ж на улицах — на **РЮ...**
— Что за блок? — я говорю.
Он **РЕПОНД** — даёт ответы:
— Загляните, мол, в газеты!
— Прочитайте, например —
ПАР ЭКЗАМПЛЬ — «Попюлер»!
Этот, думаю, наверно,
Растолкует «попюлерно».
Мне полтинника не жаль —
Разорюсь на **СЕ ЖУРНАЛЬ!**
Ладно, думаю, **АН ТУ КА** —
В крайнем случае, прочту-ка
Для развития ума
То, что пишет Шарль Дюма:
«Блок... о блоке... блоку... блоком,
Блок анфас и он же — боком...»
Зря (полтинника мне жаль!)
Я купила **СЕ ЖУРНАЛЬ**.
Шарль Дюма не взял примера
С тех Дюма — сынка и пра:
Нет в кармане — **ДАН ЛА ПОШ** —
Свежей выдумки на грош!
У мосье Андре Филиппа
Есть сюрприз иного типа:
Он немедля приволок
«Комплекс Западный» (не блок!)
...«Комплекс»... «Блок»... «Ансамбль»...
Хоть тресни,

Не пойму! Ансамбль песни —
Старой песни, той, что пел
Сброд из мюнхенских капелл?!
Но **АССЕ** — довольно — шума!
Я хочу послушать **Блюма**:
Он всегда весьма **ЖАНТИЛЬ**,
У него изящный стиль.
Враг немецкого злодейства

Ищет... тихого семейства,
То есть:
— Западный... не блок,
А семейный уголок!
На семью в Париже мода?
Но... в семье не без уроды.
Друг — **АМИ**, — скажите, где
Блокотворец Даладьё?
С кем, позируя игриво,
Пьёт он мюнхенское пиво?
А за сим, мосье, — **АДЬЕ!**

Эмиль КРОТКИЙ

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

АФИНЫ. Ответственный чиновник греческого министерства юстиции г. Фашистаради разъяснил, что закон об амнистии распространяется только на лиц, выступавших против тиранических режимов не позже VII века до нашей эры. Что же касается лиц, выступавших против последующих тираний, то они остаются в заключении.

НЮРНБЕРГ. В беседе со своим адвокатом Геринг заявил, что он из природной скромности не хотел бы играть ведущую роль на предстоящем процессе. «Тем более, — добавил он, — что я догадываюсь, к чему всё это ведёт».

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ПАРИЖ. Как сообщают из хорошо осведомленных балетных кругов, здесь открывается школа новых западных танцев. В программе школы — танцы: блокстрот, блокстеп, блокстон и тому подобные

фоксблумы.

ПАРИЖ. Местные франкофильские газеты германофильского направления с удовлетворением отмечают заключение Франко-французского торгового соглашения.

ТЕГЕРАН. Здешнее радио категорически опровергает слухи о том, что иранские власти притесняют редакторов прогрессивных газет и грозят стереть их в персидский порошок. Эти слухи, как говорится в радио-сообщении, не имеют под собой никакого основания, так как персидский порошок давно переименован в иранский.

— Не катайтесь сегодня, гражданка, — утопнете. Вам ничего, а с меня спросят.

КРАТКОЕ, НО ПОЛЕЗНОЕ ПОСОБИЕ

1. ПРИ ЧЕМ ТУТ БОГИ?

Есть хозяйственники, которые очень неохотно, даже с опаской берутся за гончарные изделия. В чём дело? Оказывается, до сих пор кое-где ещё не разоблачена версия, будто гончарное производство целиком отдано на откуп богам.

Многолетние научные изыскания автора сих строк с неопровержимой очевидностью доказали ошибочность вышеупомянутой точки зрения. С полной ответственностью за свои слова мы утверждаем, что не боги горшки обжигают, а рядовые члены промысловой кооперации, объединённые в кустарные артели. Тем самым рушится и другая, не менее вздорная концепция, будто изготовление горшков возможно лишь на Олимпе или в местах, схожих с ним по населению и климату.

Новейшие данные свидетельствуют о том, что горшки можно выпускать в любом районе.

2. НЕМНОЖКО О ЛОЖКЕ

Но, допустим, я как потребитель обеспечен горшком. Значит ли это, что мой быт можно считать устроенным? Отнюдь. Наличие горшка влечёт за собой потребность в другом изделии, о котором и будет идти сейчас речь.

Несколько дней назад один мой приятель, человек солидный и серьёзный, закончив свой трудовой день, лёг спать. Обычно это занятие проходит у него без происшествий. На сей раз

он, видимо, перевернулся на левый бок, в результате чего ему приснилась вкусно приготовленная гурьевская каша.

Должен сказать, что это блюдо особенно любимо моим приятелем. Каков же был его ужас, когда он убедился, что по рассеянности забыл положить под подушку ложку! Человек маялся часа два, затем, проснувшись, бросился к буфету за ложкой, но — увы! — было уже поздно: каша бесследно исчезла.

О чём говорит этот типичный факт? О том, что ложка является одним из самых распространённых изделий ширпотреба. Её можно встретить буквально в каждой семье и даже во многих столовых общественного питания.

Вот почему ложка должна занять на производстве почётное и заслуженное место.

3. НЕ НАДО ССОР!

Вернёмся к прискорбному случаю с моим приятелем. Предположим, что ему вторично приснится горшок с гурьевской кашей и что на сей раз он предусмотрительно запасётся ложкой. Будут ли у него в данном разе все условия для эффективного использования любимого блюда?

Как человек науки, утверждаю: нет, таких условий у него не будет, если не обеспечить его ещё одним предметом ширпотреба.

Каждому из вас приходится порой слышать, что, мол, Иван Петрович или Пётр Иванович «не в своей тарелке». Почему возможны такие недопустимые факты? Потому что предприятия выпускают недостаточное количество тарелок.

Естественно, что когда человек находится не в своей тарелке, он боится её разбить. Отсюда

нервозность, раздражительность и мучительные позывы к ссорам.

Медицина тут бессильна. Здесь решающее слово принадлежит хозяйственникам. Именно они должны так организовать производство, чтобы потребителю не надо было прибегать к чужим тарелкам. Тогда во всех квартирах, в том числе и коммунальных, будут царить мир и благоволение.

И. ВЕРХОВЦЕВ

ТЕЗКИ

Рис. С. Герштейна

— Вот, пишут: Квцслингу вынесен смертный приговор. А какому Квцслингу — Павелчу, Недичу или Лавалю, — не сказано.

Рис. В. Фридкина

— Гражданин! Вы бы уступили место женщине!
— Успокойтесь! Это моя жена.

ХОЗЯЙСКИЙ ГЛАЗ

Старший руководящий товарищ спросил младшего руководящего товарища:

— Как себя чувствуешь, товарищ Юрчик?
— Свеж, как огурчик!—осмелился пошутить младший руководящий.
— Значит, по линии здоровья вполне удовлетворительно?
— Вполне, Семён Михеич.
— Значит, и в больнице давно не был?
— Зачем же мне в больницу?
— Как зачем? Ты заведующий районным отделом здравоохранения, а посему обязан бывать в больницах.
— Совершенно верно, Семён Михеич. Рад бы в рай, да...
— В рай тебе и не надо. А вот в райбольницу заглянуть следует.
— Работы много. И днём и ночью сижу...
— Ночью спать полагается. А днём надо поменьше сидеть, побольше ходить. Работы, говоришь, много... Ведь основное твоё занятие, товарищ Юрчик,— бывать в поликлиниках, в больницах, в медпунктах. Согласен?
— Конечно.
— Так вот... Поезжай во вторую больницу. Я там сегодня утром провёл часок. Худо там. Очень. Полы давно не видели метлы. Нуждаются в метле и некоторые больничные работники. Наднях больному Романову одели клизму, а полагалась она не ему, а его однофамильцу. А один больной мне жаловался, что медсестра уже третий день не может найти у него пульс. Поезжай и посмотри там хозяйским глазом, что и как, и что к чему, и куда деваются пульсы.
— Сейчас же, Семён Михеич, еду...

* * *

Но, посудите сами, где Юрчику взять часок—другой, чтоб заняться делом?

Сегодня у него два собрания, три совещания, четыре комиссии, две подкомиссии, три заседания тройки, пленум пятёрки, слёт семёрки. И, вообще, к чему ездить здоровому человеку в больницу, когда можно вызвать к себе в кабинет заведующего больницей?..

— Это что ж такое? А? — накинулось грозное начальство на заведующего и при этом стукнуло кулаком по столу.

Такой вид интимной беседы Юрчик называл: «крепко поговорить», «вправить мозги», «накрутить холку», «взять за жабры», «наступить на хвост», «поставить на место».

— В чём дело, Игнат Прокофьевич? — спросил заведующий.

— Это — безобразие! Чорт знает, что такое! — приступил Юрчик к крепкому разговору.

— Не позволяйте...
— Не позволю! Вы не умеете работать! — вправлял мозги Юрчик.
— Не понимаю...
— У вас в больнице грязь, клизмы, нет метёлок, нет пульсов! — накручивал холку Юрчик.

— Дайте сказать...
— Не дам! Поменьше слов, побольше дела! — взял Юрчик за жабры.
— Но выслушайте меня...
— И слушать не желаю! Объявляю вам строгий выговор с предупреждением! — наступил Юрчик на хвост.
— Ничего не понимаю...
— Хватит! Можете идти! — поставил Юрчик заведующего на место.

* * *

Старший руководящий товарищ спросил младшего руководящего товарища:
— Скажите мне на милость, товарищ Юрчик: за что ты вчера так обидел Селиванова, заведующего первой больницей?

— Как за что? Безобразия у него...
— У него? Ошибаешься. Я был в первой больнице. Хорошо там поставлено дело: порядок, чистота, дисциплина. Душа радуется!
— Но вы же, Семён Михеич, сами говорили...
— Я тебе говорил о второй больнице, а ты... Эх, ты!.. Зайди-ка ко мне вечером — потолкуем. Много времени не отниму. Разговор будет короткий.

Г. РЫКЛИН

ПОЕЗДКА В БУДУЩЕЕ

С виду это был самый обыкновенный троллейбус: с водителем, с кондуктором, — но только без обозначения маршрута. Я медлил на подножке, не решаясь войти в переполненный, на мой взгляд, вагон.

— Входите, входите, пожалуйста! — приветливо сказал кондуктор. — Для хорошего человека место всегда найдётся.

— Садитесь, пожалуйста! — дружно воскликнули пассажиры, вскакивая с мест.

— Вы старше! — говорили юнцы. — Мы можем и постоять.

— Вы моложе! — шепелявили старики. — Вы ещё недостаточно возмужали, чтоб ездить стоя. Я сел на одно из предложенных тридцати двух мест и, уплатив двугривенный за билет, спросил:

— А куда, собственно, ходит этот троллейбус?

— В Ближайшее Будущее, — ответил кондуктор, улыбаясь.

То, что я принял по ошибке за троллейбус, оказалось Машиной Времени!

А. Б.

ОДНАЖДЫ...

«СПАСАЮТ» ПЬЕСУ

Однажды драматург Рыжков во время представления его пьесы вошёл в кабинет режиссёра Главацкого и сказал:

— Ваши актёры разговаривают на сцене как-то невнятно, нельзя разобрать ни одного слова...

— Это, вероятно, они делают для того, — ответил холодно режиссёр, — чтобы не скомпрометировать автора.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ВОЛЬНОСТЬ

Однажды поэту Апухтину, занимавшему в молодости должность делопроизводителя в одном из департаментов Сената, поручено было составить алфавитный реестр дел.

Через полгода Апухтин сообщил, что доверенную ему работу он закончил и все дела распределил по соответственным алфавитным папкам:

«Дело о гибели парохода «Мария Ивановна»...»

«Дело московских купцов братьев Шишко-Шишковских...»

«Дело тринадцати интендантов, во главе со статским советником Материнским...»

И так далее...

К удивлению начальства, все дела оказались только в папках под буквой «Д».

ВЕЖЛИВЫЙ ГОСТЬ

Однажды писатель-юморист Лейкин приехал по приглашению богача Ратькова-Рожнова в его имение.

Хозяин принял популярного писателя с исключительным радушием. Прощаясь с гостем, Ратьков-Рожнов спросил:

— Приедете ли вы ещё раз ко мне погостить, Николай Александрович?

— Если вы ничего не имеете против, — ответил Лейкин, — я готов приезжать к вам два раза в год и оставаться каждый раз на полгода!

ХОД ДВУХ СЕРДЕЦ

Первый тур шахматного матча был в разгаре. Я стоял у центральной демонстрационной доски и мучительно пытался угадать: какой же следующий ход сделает чемпион? Из пяти, пришедших мне в голову, один показался наиболее вероятным. Ну, ясно, не может быть сомнения, гросмейстер сделает сейчас ход конём, решил я. Но тут сбоку раздался женский голос:

— Конечно, гросмейстер пойдёт слоном.

Резко повернувшись, я сказал этой слишком самоуверенной особе:

— Много вы понимаете! Пойти сейчас слоном — это же потеря темпа. Каждый дурак скажет вам, что нужно ходить конём...

— Вот именно каждый дурак. А умный пойдёт только слоном.

Я взорвался, как перегретый примус:

— У кого есть хоть капля мозга в голове, тот сразу сообразит, что нельзя ходить слоном при наличии...

Но тут демонстратор переместил на доске фигуру: гросмейстер сделал ход слоном. Она торжествуя посмотрела на меня своими карими глазами и самодовольно откинула назад невыносимо золотистую прядь волос. Я возненавидел её, но вообще она мне, кажется, нравилась.

— Случайное совпадение, — полным пренебрежения голосом сказал я. — Следующий ход, конечно, будет конём.

— Следующий ход будет ладьёй, — возмущительно безапелляционно заявила она.

— Абсурд, бред! — негодуя зашипел я. — Оставить короля без защиты — это же верх глупости! Я бы лично этого гросмейстеру не посоветовал.

Она с презрением повела плечами:

— Король гросмейстера сейчас так же нуждается в защите, как сам гросмейстер в ваших советах. Ход будет сделан ладьёй.

— Нет, конём!..

Ход был сделан ладьёй. Я был близок к самоубийству. О, как я её ненавидел!

Я не угадал и последующие три хода. Впрочем, не угадала их и она, и мне стало немного легче.

Затем угадал ход я. Торжествующий, злобный смех заклокотал в моём горле. Она вспыхнула и закусила свои кровавокрасные губы. Однако моё торжество было недолгим. Следующий ход угадала она. Но потом опять угадал я.

На другой день вечером, когда я протискивался к доске, на которой демонстрировалась центральная партия второго тура, стройная фигура вчерашней блондинки уже торчала там. Она искоса посмотрела на меня и презрительно усмехнулась. Я ответил тем же.

— Ход будет пешкой e2—e4, — твёрдо сказал я, взглянув на доску.

— Вот как! — ядовито улыбнулась она. — Меня удивляют эти поспешные выводы. Они обнаруживают у их автора полное отсутствие способности нормально соображать...

Затем она тонко намекнула на то, что если я ещё не законченный идиот, то, во всяком

случае, уже почти вплотную подошёл к этому умственному состоянию.

Но в этот вечер я взял хороший реванш за вчерашнее поражение: я угадал целых шесть ходов, она — только два. Я смеялся, как ружьё в летнюю ночь; она же задыхалась от бессильной злобы и ненависти.

Третий и четвёртый туры были мои. Но затем три тура подряд я терпел позорное поражение. Восьмой тур был ничейным.

А после девятого тура, провожая блондинку домой, я с пеной у рта доказывал ей:

— Если на доске имеется ферзь противника, то рокироваться в длинную сторону будет так же уместно, как утопающему подарить ведро воды...

Она с сожалением смотрела на мою черепную коробку и безнадежно качала головой. И сколько я ни убеждал её, она упорно не соглашалась ни с одним моим доводом.

Когда мы подошли к её дому, то почувствовали, что не можем расстаться. Ночь мы провели в парадном подъезде, страстно уличая друг друга в ошибочности взглядов на те или иные шахматные положения. Наши руки сжимались, щёки пылали.

А на завтра при встрече мы не сказали о шахматах ни одного слова. Забыв про все гамбиты и эндшпили, мы шли по улице, держась за руки, как дети. Солнечный зайчик, ломовая лошадь и воробей, сидящий на пивном ларьке, одинаково вызывали у нас шумный восторг

и умиление. В трамвае я уступил место старушке, а моя подруга послала воздушный поцелуй гражданину, наступившему ей на ногу. Вечером мы стояли у демонстрационной доски.

— Здравствуйте, я ваш дядя! — насмешливо кланялся я. — Кто вам сказал, что эта пешка проходная?

— Моя тётя повесилась бы, если бы у меня был такой дядя, — сверкала глазами она.

Она так сильно наступила мне на ногу, что пристально смотревший на доску амур испуганно взмахнул своими крылышками и, взлетев на воздух, уселся на краю демонстрационной доски. Он с тревогой посмотрел оттуда на наши искажённые гневом лица и озадаченно почесал пухлой ручонкой в своей курчавой белой голове. Видя, что скандал между нами разгорается, он уже стал шарить глазёнками у нас под ногами, ожидая увидеть на полу выпавшие из наших сердец стрелы, которые он в своё время так ловко всадил нам туда. Но, к своему удивлению, он убедился, что эти стрелы, несмотря ни на какую перепалку, попрежнему прочно сидят в наших сердцах. Тогда, успокоенный, он моментально забыл о нашем существовании и вновь впился в доску, весь поглощённый изучением ходов центральной партии десятого тура.

Ход, сделанный нашими двумя сердцами, оказался единственным ходом, который не вызывал у нас никаких разногласий.

Константин ЗАЙЦЕВ

ЛЮБИТЕЛЬ СТАРИНЫ

Рис. К. Елисеева

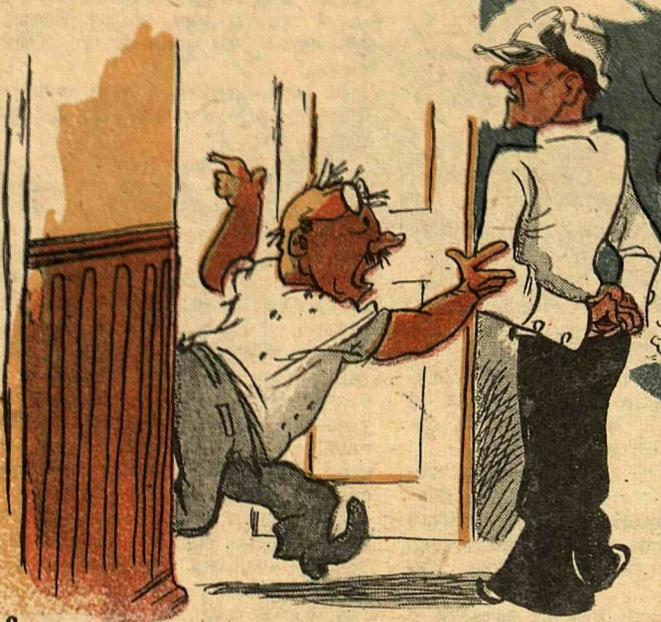

— Вы так настойчиво интересуетесь моим покойным дедушкой, как будто хотите принять на работу его, а не меня.

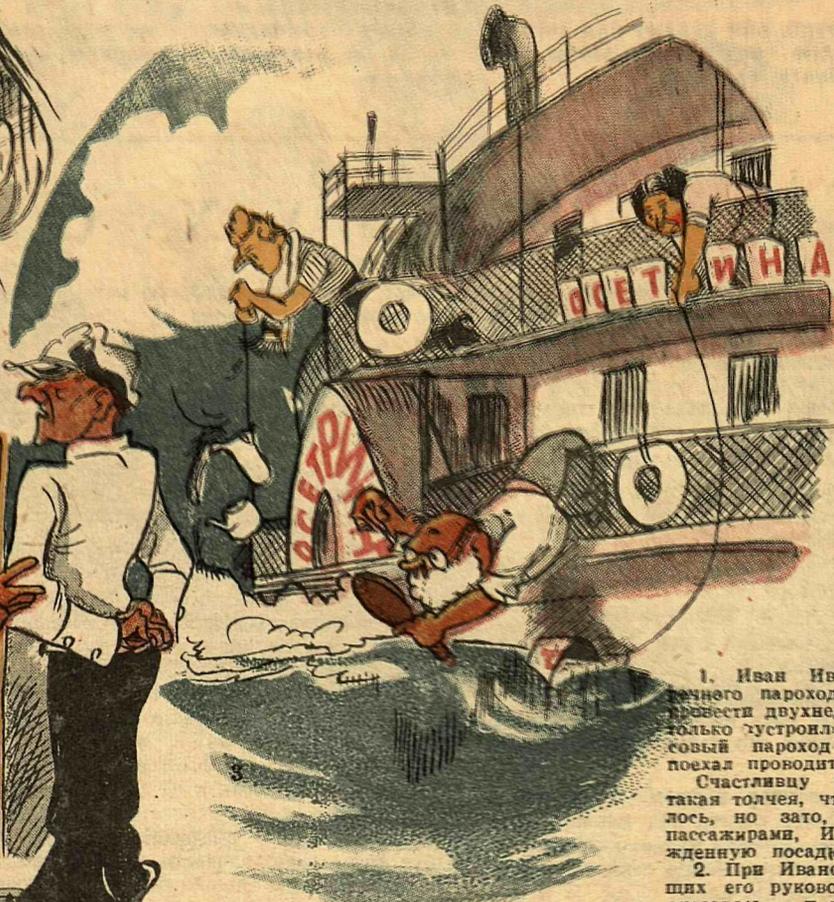

Беломорские

МОСКВА - АСТРАХАНЬ

2

1. Иван Иванович, руководящий работами местного пароходства, понимал людей, желающих провести двухнедельный отпуск на Волге. Он не только «устроил» своему приятелю билет на реверсивный пароход Москва — Астрахань, но и поехал проводить счастливицу.

Счастливицу не повезло: при посадке была такая толчея, что сестра на пароход ему не удалось, но зато, подталкиваемый торгашами-пассажирами, Иван Иванович совершил одну ждущую посадку вместо своего друга.

2. При Иване Ивановиче бумага, удостоверяющая его руководящую роль на тришестидесятилетнем пароходе, оказалась — и весь путь он проделал как самый обыкновенный пассажир. Ночь Иван Иванович провел беспокойно.

— Вы обещали мне отдельную каюту, — сердито говорил он утром капитану, — а каюты ведь занята...

РЕШАЮЩЕЕ СВИД

Вы, конечно, заметили, что за последнее время со мной произошла большая перемена? Я стал регулярно бриться, вздыхать, менять воротнички и приветливо улыбаться посторонним.

Не надо быть философом, чтобы понять, в чём тут дело. Я влюблён, и мне не стыдно в этом сознаться. Кто без греха, тот может бросить в меня камень.

Я не буду здесь описывать наружность объекта моей любви, ибо стоит мне только произнести её имя — Люся, — и я начинаю дышать, как астматик.

Впервые мы встретились в гостях. Я сидел за столом. Она вошла, её посадили рядом со мной, и этого оказалось достаточно, чтобы от волнения я почти тотчас же опрокинул на неё стакан чая. Впоследствии, когда мы познакомились ближе, она призналась мне, что я также сразу произвёл на неё сильное впечатление.

Всю остальную часть вечера я был словоохотлив, как заяц, и, очевидно, имел успех. Во всяком случае, мне удалось закрепить то впечатление, которое я произвёл с самого начала.

Дни шли, и моё чувство к Люсе росло, пока, наконец, не приняло таких размеров, что если его можно было бы заключить в шелковую оболочку, то я имел бы собственный аэроплан.

Но старая история, друзья мои. Чем более росла моя любовь, тем меньше я находил в себе сил открыться в ней. Уже давно прошло

то время, когда я мог легко взбежать к Люсе на третий этаж и пригласить её в кино. Теперь я вползал по лестнице, держась за перила, и долго стоял перед парадной дверью, стараясь успокоить своё сердце. Оно колотилось с такой силой, что нередко мне открывали дверь, спрашивая, почему я не пользуюсь кнопкой звонка, а стучу в дверь кулаком.

Должен признаться, что я, наверное, ещё тянул бы со своим решением объясниться, если бы не обстоятельства. Люсе предстояло уехать на три месяца, и оставить её на такой срок в неведении относительно моих чувств показалось мне опасным.

Чтобы отрезать себе пути к отступлению, я договорился с Люсей о свидании в день её отъезда. Поезд отходил в двенадцать часов ночи, и мы условились встретиться с нею в восемь часов вечера.

Где? Разумеется, у памятника Пушкину.

Нечего и говорить о том, как я спал в ночь накануне этого дня. Я не спал совсем. И поэтому, придя с работы в шесть часов вечера, я прилёг на диван с тем, чтобы немного передохнуть.

Ровно в семь часов я проснулся и начал одеваться. Прежде всего я разыскал крахмальную сорочку, которую надеваю обычно только в очень торжественных случаях. Она была так накрахмалена, что громыхала, как листовое железо, пока я вползал в неё, извиваясь, точно уж. В ней можно было делать полоборота, и она даже не шевелилась, но

стояло мне только подумать о том, чтобы наклониться вперёд, как она с треском выпучивалась на груди.

Я чуть было не оборвал себе ногти, возясь с запонками для рукавов. Легче верблюду пролезть в царство небесное, чем запонке в накрахмаленную майжету.

Я провозился с этим делом больше, чем рассчитывал, и поэтому, когда принялся за воротничок, то увидел, что мне надо уже горючиться. Я схватил этот кусок материи, превращённый прачечной в холодное оружие, и попытался его надеть.

Наконец, когда я уже весь мокрый и со слезинками на лбу волосами надел воротничок на обе запонки, то заметил, что на его углах отпечатались мои большие пальцы с такой ясностью, что это было бы просто находкой, если бы мною заинтересовался уголовный розыск.

Без двадцати минут восемь я начал завязывать галстук. Мне пришлось проделывать эту процедуру несколько раз, так как узел получался либо величиной с фасоль, либо с небольшую тыкву. Средних решений у него не было.

Обувь и брюки были надеты мною ещё дома. Я подчёркиваю это обстоятельство только потому, что пиджак мне пришлось надевать, сбегая по лестнице, а жилетку застегивать уже на улице.

Тяжело дыша и вытирая влажный лоб, но зато точно в восемь часов, я подбежал к памятнику Пушкину. Опоздать на это решав

Впечатления

И ОБРАТНО

ПО МАТУШКЕ ПО ВОЛГЕ

— Кем? — удивился капитан.
— Клопами, — объяснил Иван Иванович, почесываясь.

3. Пожелав умыться, Иван Иванович направился к умывальнику. Умывальников на пароходе было предостаточно, но воды в них не оказалось — и её пришлось черпать из Волги. В Волге — надо отдать ей должное — воды было хоть отбавляй!

4. На очередной остановке Ивана Ивановича возмутило плохо организованное обслуживание отъезжающих.

— Что за безобразное отношение к пассажирам! — воскликнул он.

— Пассажир — тот, кто с билетом. А эти граждане ещё не успели билетов получить.

5. В столовой подавали неспеша.

— Скоро ли подадут первое?

— Вот как Жигули проедет.

— А второе?

— Не раньше Саратова.

Иван Иванович невольно подумал, что на обед из трёх блюд, при таких темпах, всей Волги не хватит!

6. Базары на стоянках манили взор всякой аппетитной снедью, но сойти на берег Иван Иванович не решался, так как пароход отходил обычно не по расписанию, а по вдохновению. Иван Иванович на стоянках брался за удочку. В Рыбоземске он выудил судака (копчёного). В Куйбышевске хорошо клевал арбуз.

Отдохнуть на пароходе Ивану Ивановичу, как видите, не пришлось. Зато... (См. рис. 7.)

ДАНИЕ

шее свидание было бы с моей стороны преступлением.

Ровно через двадцать минут появилась Люся. Такая аккуратность восхитила меня. Люся, очевидно, была единственной девушкой во всей солнечной системе, способной придти на свидание с опозданием не более двадцати минут.

Благосклонно взглянув на ту небольшую канавку, которую я успел уже вытоптать перед скамейкой, Люся согласилась совершить со мной небольшую прогулку. («Только очень небольшую, так как я за день устала!»). И мы отправились в мучительный и сладкий путь от памятника Пушкину до Никитских ворот и далее, до памятника Гоголю, потом вниз по улице Фрунзе до Большого Каменного моста, затем, перейдя через мост, по набережной до Москворецкого моста и опять, перейдя через мост, к садику у храма Василия Блаженного, на ступеньках которого мы и присели, имея перед собой часы на Кремлёвской башне.

Было без четверти десять.

Если принять во внимание, что я за всё это время выдал из себя столько бессвязных слов, что из них едва можно было бы составить телеграмму рубля на полтора, то вы поймёте, что терпимость Люси должна была бы меня подбодрить.

И всё-таки я никак не мог заставить себя произнести те самые три слова, ради которых мы встретились и проделали такой путь.

Сидя на ступеньках, я пытался подойти к этим трём сакраментальным словам сбоку,

либо подобраться к ним сзади, либо подползти снизу, либо, наконец, свалиться на них сверху. Но когда казалось, что эти три слова уже сидят у меня на языке, то вдруг оказывалось, что мой язык просто-напросто куда-то исчезал.

Не в силах более сидеть в бездействии, я встал, но неожиданно поскользнулся и почти упал подле Люси, причём так, что мои губы прильнули как раз против её губ. И вот тут — я сам не знаю, как это произошло — я нечаянно поцеловал её. После чего я сказал: «Я люблю тебя» — и вновь поцеловал её, уже, кажется, нарочно.

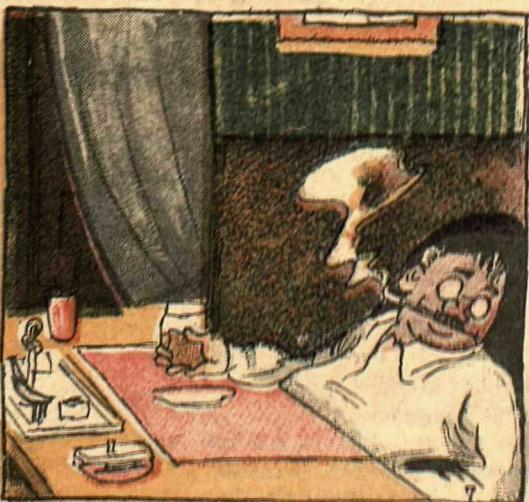
Было без четверти одиннадцать, когда Люся прошептала, что ей надо идти. Вслед за этим пришло время для последнего, прощального поцелуя.

Когда я открыл после него глаза, то увидел, что обе стрелки часов стояли на двенадцати.

«Не может быть, — сказал я себе, — чтобы один поцелуй продолжался час с четвертью!» Я внимательно посмотрел на часы. Они действительно показывали двенадцать. Но, странным образом, они мне напоминали мои настенные часы.

Только протерев глаза, я убедился, что нахожусь у себя на диване, ласково охватив одной рукой подушку...

Теперь давайте-ка разберёмся вместе во всей этой истории...

7. Зато он отдыхал, по обыкновению, на работе. Ничего не делая, сидел он за своим привычным столом в управлении речного пароходства, был линейкой мух, вспоминал уютную поездку по Волге и философически размышлял!

— Почему так получается, что на прекрасных, на радость путешественникам и отдыхающим созданных волжских пароходах нельзя отдохнуть как следует?

В самом деле, Иван Иванович! почему?!!

СЕРГЕЙ ПРОКОФЬЕВ

(К постановке оперы «Война и мир»)

Дружеский шарж худ. Кукрынычсы.

Сие — не явь, сие — не сон,
Сие — художников затея:
Сергей Прокофьев обращён
В Толсто-Прокофьева Сергея!

ИСЧЕРПЫВАЮЩАЯ ОЦЕНКА

Критик Сапунов, писавший под псевдонимом И. Сап, чувствовал себя неважно. Сегодня надо было сдать рецензию, а работа явно не клеилась.

В дверь высунулась вихрастая голова Бобки:
— Папа, дай пять рублей на кино.
Сапунов вынул пятёрку и нехотя протянул её сыну.
— Отец работает, а ты по кино бегаешь! — сердито пробурчал он.
— Нет, я всё читаю, папочка, — возразил Бобка.
«Врёт», — подумал отец и вспомнил, что у Бобки сегодня был в школе экзамен.
— Ну, как сегодня на экзамене?
— Произвёл благоприятное впечатление, — ответил Бобка.
— Как отвечал по литературе?
— Тепло и задушевно, — отчеканил сын.
Отец удивлённо посмотрел на сына.
— Ну, а остальные как отвечали? — попытался Сапунов.
— Остальные поддерживали дружный ансамбль, — бойко произнёс Бобка, скрывая усмешку.
— По алгебре, надеюсь, у тебя прошло благополучно?
— Оставляет желать лучшего.
— Что, провалился? — побагровел Сапунов.
— Пришлось пожалеть о потерянном времени, — подвигаясь к двери поближе, сказал Бобка.
— А другие как отвечали? — не унимался отец.
— Выделились, запомнились, обратили внимание.
— Откуда у тебя этот казённый, штампованный язык? Ты что читаешь?
— Твои рецензии, — ответил Бобка.
— Деньги назад! — зарычал Сапунов.
Но было уже поздно: Бобка исчез в дверях.

Г. МЕРЛИНСКИЙ

УРОК ЛИТЕРАТУРОНЕВЕДЕНИЯ

Сотрудник газеты «Вечерняя Москва», напечатавший в «Вечерней Москве» 5 сентября заметку об университетском значке, обогатил историю русской литературы новыми, чрезвычайно интересными материалами.

В заметке сказано:

«Выпускники русских университетов не только бережно хранили диплом, но и с гордостью носили университетский значок, как символ их неразрывной духовной связи с воспитавшим их университетом. Этот значок красовался на груди титанов русской и мировой науки и общественной мысли Московского университета Герцена, Белинского, Лермонтова, Грибоедова, Чехова, Сечёнова, Соловьёва и многих других».

О Белинском было до сих пор известно, что он был исключён из Московского университета. О Лермонтове до сих пор было известно, что он по своей доброй воле оставил Московский университет и перешёл в петербургскую школу прапорщиков и юнкеров.

Ныне мы узнали, что Белинский и Лермонтов были не только выпускниками Московского университета, но и носили на своей груди университетский значок. Открытие это тем более поразительно, что сей университетский значок был учреждён много-много лет после смерти упомянутых в заметке великих деятелей литературы и науки, так что и Герцен, который действительно был выпускником Московского университета, мог быть лишь посмертным носителем значка.

Какие ещё новые открытия в истории русской литературы обещает нам «Вечерняя Москва»?

А. МОРКОВКИН

И Р О Н И Ч Е С К А Я

СМЕСЬ

А. ЖАРОВ

Ах, девушки, придумать бы для вас
Что-либо поумней гармонии!..

(А. Жаров. «Гармония»).

На этой гармошке
Не хуже сыграю...

(Из стихов 1945 года).*

Как двадцать лет назад — сейчас
Пишу в одном, весьма приятном тоне:

«Ах, девушки, придумать бы, для вас
Что-либо поумней гармонии!»

Но, к сожаленью,
В этом я не лгу:

Я ничего придумать не могу!

Н. ПАНОВ

Он рассмотрел на горизонте, там,
На перерез союзным транспортам...

(Н. Панов «Баренцево море»).

Волна стиха, застряв на рифме «там»,
В неряшливости опочила;
А опочив, страницы подмочила
Редакционным транспортам!

ОДНОМУ ИЗ ПОДРАЖАТЕЛЕЙ С. ЩИПАЧЕВА

Ты можешь стих короткий закрутить
И выдавить его, как даят тюбик с пастой.
Вонми совету: можно сократить
Ещё кой-что процентов этак на сто!

ОДНОМУ ИЗ НЕМНОГИХ

Он с Есениным знаком,
Он с Асеевым знаком,
К сожаленью, незнаком
Только с русским языком!

Иван МОЛЧАНОВ

ЧУДАК-ЧЕЛОВЕК

Летним днём тысяча девятьсот сорок пятого года прилично одетый человек с большим бумажным свёртком в руках остановился у дома близ Покровских ворот.

Прилично одетый человек посмотрел наверх, и небесноголубые буквы на снежнобелом фоне радостно сообщили ему, что комбинат бытового обслуживания помещается именно здесь.

Толкнув дверь, на которую была наклеена маленькая бумажка «Приёма нет», человек с бумажным свёртком занял очередь.

Неопределённых лет мужчина с мало выразительным лицом довольно удачно притворился за прилавком, что ищет какой-то необычайной важности документ. Наконец, это занятие прискучило ему, и маленький робкий старик, давно стоявший у самого прилавка, был им замечен:

— Ну, что?

— Я к вам.

— Это я вижу! За чем?

— Я вам отдал костюм и пальто. Вы сказали, что будет готово в субботу, а сегодня воскресенье.

— Я сам знаю, что сегодня воскресенье. С вашим костюмом случилась большая неприятность.

— А что? Что такое?

— В среду... или в четверг...

— Да?..

— Марья Васильевна, когда у нас пропал пиджак гражданина? В четверг? Спасибо! Так вот, пиджак ваш пропал в четверг.

Старик пошёл пятнами.

— Пропал? Пиджак? Что же я буду делать?..

— Не кричите, праздники! Пиджак ваш пропал в четверг. А в пятницу, или в субботу, позвольте, когда же это было?

— Ох, что? Что было-то?

— Подождите! Марья Васильевна, когда мы нашли этот пиджак? В субботу? Спасибо! Ваш пиджак мы нашли в субботу. Так что всё в порядке.

— Ф-фу, слава богу! И я могу его получить?

— Кого — его?

— Ну, костюм-то.

— Вот чудак-человек! Ему русским языком говорят, что пиджак пропал в четверг, нашли его только в субботу, когда же мы могли успеть всё сделать?

— А пальто?

— Ну, как вам это нравится? Вы же слышали: сначала мы потеряли ваш пиджак, потом искали его, потом нашли, когда же мы могли заниматься вашим пальто?

— Когда же мне приходится?

— Зайдите как-нибудь. Будет готово, — получите. Вам что?

Гражданин с девочкой придвинулся ближе к прилавку.

— У меня брюки.

— У всех брюки, гражданин.

— Я знаю. Я у вас был час назад. Помните, с девочкой?

— Ну и что же?

— Я просил укоротить мне брюки. Вы сказали: зайдите через час.

— Что-то я не помню.

— Ну, как же, ведь я был с девочкой.

— Послушайте, гражданин, если вы хотите меня разжалобить вашей девочкой, то ничего у вас не выйдет!

— Я не хочу вас разжалобить.

— Чего же вы хотите?

— Я хочу укоротить брюки.

— Вы хотите укоротить брюки?

— Да, очень хочу.

— А я не хочу!

— Почему?

— Потому, что тут работы на два часа.

— Ну что же, я подожду.

— Конечно, вы подождёте. А я могу это сделать только через месяц.

— Хорошо, я подожду месяц.

— А вы знаете, сколько стоит эта работа?

— Сколько?

— Шестнадцать рублей.

— Очень хорошо. Я заплачу.

— Вот чудак-человек! Что же, вы думаете, я буду оформлять квитанцию сроком на месяц и поставлю в ней сумму 16 рублей? Работа сроком на месяц должна стоить минимум тысячу рублей!

— Хорошо, поставьте тысячу рублей.

— Вы будете платить тысячу рублей?

— Нет, зачем же? Ведь вы сказали, что работа стоит шестнадцать рублей. А в квитанции можете писать, хоть сто тысяч, мне ведь всё равно.

— Гражданин, перестаньте морочить мне голову!

— Довольно! — сказал вдруг человек с бумажным свёртком и стукнул кулаком по прилавку.

Все вздрогнули и обернулись к нему.

— Вы хам! — продолжал человек, обращаясь к приёмщику. — Пятнадцать минут я слушаю, как вы издеваетесь над людьми, которые виноваты только в том, что хотят привести в порядок свою одежду. Какого чорта вы не делаете своё дело? Какого чорта вы портите людям жизнь? На минуту человек зависит от вас, и вы пользуетесь этим?

— Чего вы ругаетесь? — тупо спросил приёмщик. — Ведь я с вами ещё не говорил.

— Я слышу, как вы говорите с людьми.

— Правильно! — сказал человек с девочкой. — Я хочу брюки укоротить, а он мне жизнь укорачивает.

На шум вышел заведующий. Орлиным взглядом окинув поле битвы, он мигом оценил обстановку и принял решение.

— Успокойтесь, гражданин, — тихо сказал он человеку со свёртком. — Вы что, костюм принесли погладить? Давайте, мы у вас примем без очереди и при вас же всё сделаем. Давайте! Михаил Семёнович, отпустите гражданина!

Очередь замерла. Но гражданин не дрогнул.

— Не желаю! — громко сказал он. — Не для того я кричал, возмущался, глядя на вас, чтобы без очереди сдать вам костюм. Мне стыдно иметь с вами дело! Я презираю вас! Я ухожу!

Дверь комбината раскрылась и с треском захлопнулась. Минуту продолжалось молчание. Первым пришёл в себя приёмщик.

— Вот чудак-человек! — сказал он. — Пришёл, накричал и ушёл. Бывают же такие! Делать им нечего, вот и ходят. Вам чего?

Эта история не выдуманна. Её рассказал нам наш знакомый, некто В. Он-то и был человеком с бумажным свёртком. В. — поэт. Это можно заметить по его речи. Иногда это можно заметить и по его стихам. Так или иначе, но комбинат у Покровских ворот работает всю и по сей день. Михаил Семёнович сидит на своём посту. Желающие могут убедиться.

А. РАСКИН

ПЕРВОБЫТНЫЕ ВКУСЫ

Рис. И. Семёнова

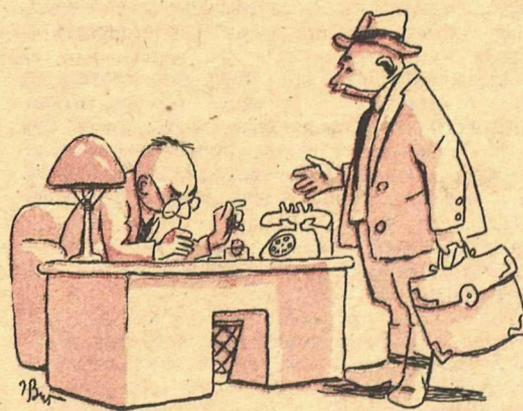
Дикарь привык к татуировке и встарь

и в новой обстановке.

СТРОГИЙ НАЧАЛЬНИК

Рис. Г. Валька

— Что делать с Рыжовым? Опять прогулял.

— Увольте его по собственному желанию.

СКАЗКА

(БЫЛЬ)

Жили-были в одном переулке две девицы. Одна «прекрасна, как ангел небесный», другая, «как демон, коварна и зла». А были они обе оправдомами.

Сначала расскажу я вам про ту, которая, как демон. И мало того, что она коварна и зла, так она ещё до того дурнорожа и лишена физического обаяния, что даже водопроводчик Лаврентий говаривал:

— Уж на что я, пьяный человек, — и то без изжоги смотреть на неё не могу.

А звали её по батюшке — Кашевна. Вот она и решила:

«Если уж я лицом взять не могу, так возьму характером и служебным положением».

Сказано — сделано. И выработала в себе Кашевна такой анафемский характер, что уж не только жильцы управляемых ею домов ходили бледные, как штукатурка, но и сама штукатурка валилась жильцам на головы, а в дымоходах гудело и выло нехорошими голосами.

И кто бы ни приходил к ней за делом, глядела она дурным глазом и нечеловечьим голосом выговаривала:

— В крыше дыра, в полу дыра, а посредине сплошная вода? Направо пойдёшь, без ремонта сгниёшь, налево пойдёшь... ну, если налево, тогда ещё мы по-смотрим.

И вот начали жильцы кое-что смекать. Сначала узнали, когда кашевнины именины, и принесли кто курочку — золотые яйца, — кто скатерть-самобранку, а кто туфли-скороходы, — безусловно, на каучуковой подошве. А потом стали и без именин таскать, запросто. Да не так ташат, а с присказкой:

— Кушайте тортик, не обессудьте, нашу зарорённую уборную не забудьте.

И зажила себе Кашевна припеваючи. Молоком умывается, креплещином утирается, в бо-стоны одевается, пряниками печатными и непечатными объедается.

А по соседству домами правит другая управдомша — прекрасная Марья Маревна. Утро, чуть свет, а уж её в постели нет, бегаёт, хлопочет, всем угодить хочет.

Жить бы жильцам да радоваться, что бог им такую управдомшу послал, а только жильцы, — известно, какой народ: лей им на голову масло, скажут: почему не мёд?

Вот однажды забежала Марья Маревна к гражданке бабе-Яге, что проживает в 3-й квартире.

— Как у вас, Ягишна, не протекает?

Дуре бабе, конечно, сказать бы, что, дескать, так и так, душа-девица, течёт помаленьку, но вашими молитвами, слюшкой да глиной авось как-нибудь и залатаем...

Ан не тут-то было! Гражданка баба-Яга себе на уме: заманила она Марью Маревну, а заманивши разложила перед ней цветное мыло и пуд яблок на серебряном блюде, а сама глазом моргает: дескать, мне ремонт в первую очередь.

Марья Маревна ни жива, ни мертва: и взять-то стыдится и обидеть боится, стало быть, не специализировалась. А тут ещё, откуда ни возьмись, жилец Горыныч — на всю коммунальную квартиру первый змей. Слетал он в магазин, достал живой воды и шипит ей в самую душу:

— Спрыснете живой водой наше дельце и расширим, давайте, мою жилплощадь за счёт мест общего пользования.

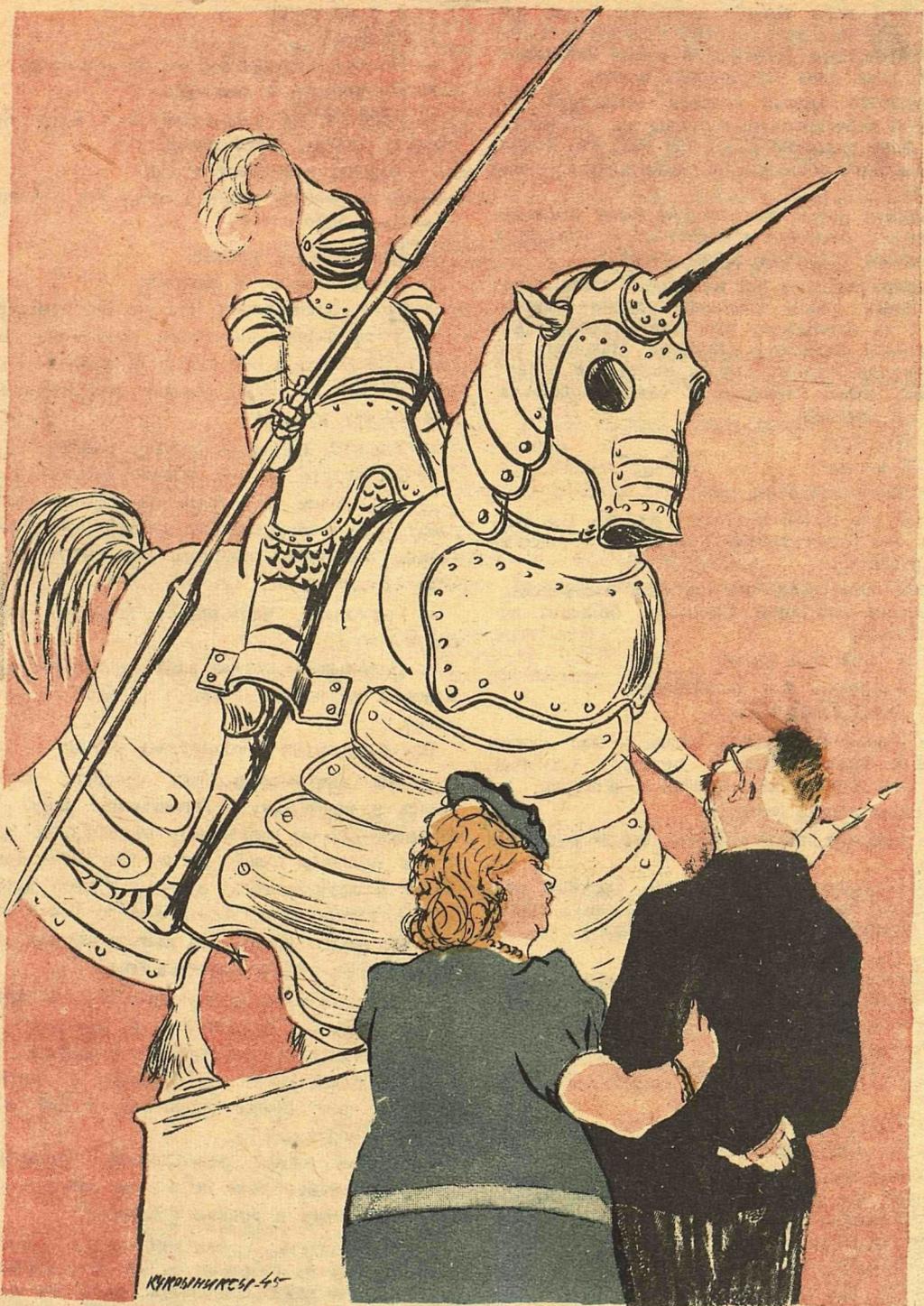
Только он этим обмолвился, а тут как раз тёмным, дремучим коридором пробегал товарищ Волк — самый акуратный плательщик и местный старожил. Навострил он уши, услышал горынычевы подлые слова и мигом — шашт! — на 5-й этаж к сознательному жильцу Ивану Петровичу Царевичу.

— Вставайте, — говорит, — товарищ Царевич! Злые люди нашу Марью Маревну испортить хотят, и грозит нам всем беда неминуемая, если обратится Марья Маревна в змею подколенную.

Не поверил своим ушам Иван Петрович Ца-

Рис. Кукрыникозы

ИЗ ИСТОРИИ ШИРПОТРЕБА

— Вишь, чего раньше из отходов делали! А твоя промартель и простого ведра не может смастерить!

ревич. Уважал он в Марье Маревне хорошего управдома и вообще верил в честность и справедливость. Взыграло в нём ретивое чувство активиста-общественника, сбежал он с 5-го этажа так, что пыль столбом. Прибежал вовремя, схватил Марью Маревну за белые руки и возговорил громким убедительным голосом:

— Неужто ж и вы туда же, Марья Маревна, с вашими ручками незапятнанными, с вашим сердцем непорочным? А ну, где они, эти злыдни поганые, что толкают вас прямоком на скамью подсудимых?!

Только он это вымолвил, зашипели гражданка баба-Яга и гражданин Горыныч и, не солоно хлебавши, убрались восвояси. А Марья Маревна залилась горячими слезами и говорит:

— Тяжко мне, дорогой товарищ Царевич! Общественность навстречу не идёт, а, поскольку рядом со мной Кашевна, как махровый

цвет, цветёт, дурной пример на дно тянет, люта змея сердце сосёт!..

Мигом оседлал товарищ Царевич своё вечное перо и накатал заявление куда следует. А наутро грохнулись они с товарищем Волком о сыру землю, обернулись членами ревизионной комиссии и пали Кашевне словно снег на голову. Задрожала Кашевна, как осиновый лист, побелела, как белый плат, да уж, видно, делать нечего!

И я там была и показание дала, что в данном домоуправлении действительно жила. Про взятки слыхала, но сама их не давала, а потому и в хорошую квартиру не попала.

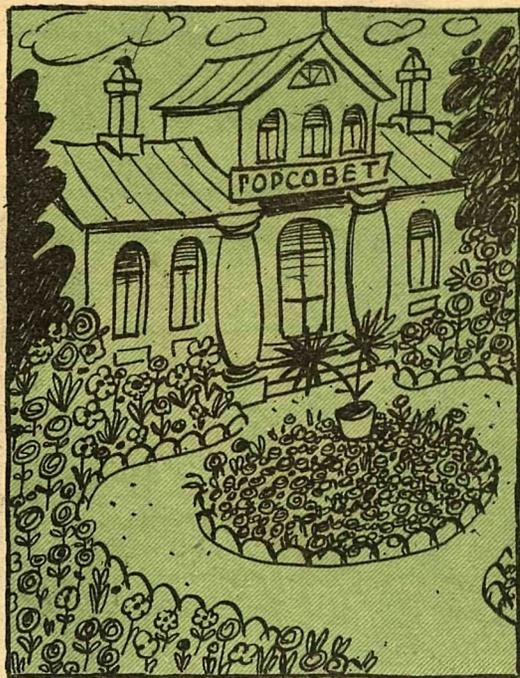
Показание к делу пришили, а что дальше будет, — не знаю. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело разбирается.

В. КАРБОВСКАЯ

Рис. Ю. Ганфа

Председатель горсовета утопает в делах.

Здание горсовета утопает в цветах.

А пешеходы и транспорт утопают в грязи.

ПОЧЕМУ ВЫ НЕ В ДУХЕ?

По заслуживающим доверия слухам, Как передают информированные круги, Нач... впрочем, просто товарищ Невадухин Встаёт ежедневно с левой ноги.

Присущ неизменно его особе Вставания странный способ такой, Как будто левые у него обе, А правой ноги нет ни одной.

Живи в пустыне сердитый дядя — Вопрос этот был бы ясен и прост. Но он занимает, к общей досаде, В большом учрежденье немаленький пост.

Склоняется служащий в трепетной позе, Как бы мысленно ниц перед ним

распростёрт,

Потому что начальник не то, что серьёзен, А просто-напросто зол, как чорт.

Если ж посетителя дело касается, Тут, как говорится, будь здоров: Невадухин хотя ещё не кусается, Но укусить вот-вот готов.

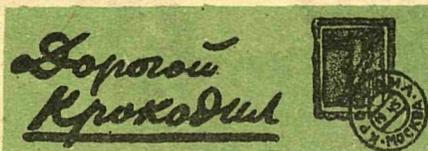
Обычно делают предупреждение, Если вашим икрам опасность грозит. Но объявление на дверях учрежденья — «Здесь злое начальство», — уши, не висит.

Ради общественного покоя Надо сделать одно из двух: Либо объявление повесить такое Либо

вытравить

Невадухиных дух!

АЛ. РОХОВИЧ

Дорогой Крокодил!

Кто в нашей области самый популярный человек? Шофер автоколонны.

Кого нет среди шоферов нашей области? Шофера-бессеребряника.

Кому нужно уплатить несколько сот рублей, чтобы попасть из одной станции в другую? Шоферу.

Кого не смущает, что эти «левые» перевозки производятся на государственной машине и на казённом горючем? Шофера.

Кем не интересуется вовсе местная автоинспекция? Шофером-врачом.

О ком следует в конце концов поставить вопрос в областных организациях? О шофере-враче.

Посылаю тебе этот образец простого склонения имени существительного. Может быть, тебе скорее, чем мне, удастся склонить наши областные власти к тому, чтобы они призвали к порядку врачей-шоферов.

Илья СЕРЕБРЯКОВ,
старший лейтенант.

Кашары, Ростовской области.

Товарищ Крокодил!

Нельзя ли похлопотать, чтобы в штатах некоторых наших учреждений были предусмотрены специальные толмачи: они бы расшифровывали и комментировали распоряжения своего начальства.

В первую очередь такого толмача следует завести прокурору Софиевского района, Днепрпетровской области, Маркову.

Обратился я к прокурору Маркову с жалобой: так, мол, и так — мои нетрудоспособные отец и мать незаконно облагаются налогами. И получаю на жалобу ответ:

«Вследствии того, что нетрудоспособными

считается мужчина 60 лет, женщины до 55 лет, а поэтому Ваш отец имеет возраст 69 лет, дочери 16 лет, поэтому они облагаются налогами законно. Два трудоспособных при одном нетрудоспособном льготами не пользуются!»

Я вижу, товарищ Крокодил, что ты ничего из ответа прокурора Маркова не понял. И я тоже ничего не понял. Без толмача тут не обойтись.

Пётр СОПКО.

Полеская почта 20241.

Уважаемый Крокодил!

Не могу не выразить своего восхищения разносторонней деятельностью начальника Вологодского областного отдела искусств тов. Яковлева и директора филармонии тов. Голубева.

Чего мы только не насмотрелись в этом году благодаря стараниям Яковлева и Голубева! В городском парке — весёлые эксперименты гипнотизёра Ронева, в театре — человек-радио с передачей мыслей на расстояние, на площади — женщина-невидимка.

Разве могут идти в какое-нибудь сравнение с этими высокохудожественными номерами выступления какого-то старейшего русского хора — Ленинградской академической капеллы? Дабы не портить художественные вкусы, столь усердно прививаемые вологодскому зрителю, Яковлев и Голубев отказались устроить концерты Ленинградской капеллы. Когда же вологодский Дворец культуры железнодорожников всё же пригласил к себе капеллу на гастроли и расклеил об этом по городу афиши, тов. Яковлев строжайше предупредил: «Сделать концерты капеллы закрытыми — только для железнодорожников».

И правильно! Сокровенные мысли Яковлева и Голубева легко читаются на расстоянии: вологодский зритель, чего доброго, променяет женщину-невидимку на русскую песню и потом его калачом не заманишь на чудесные эксперименты гипнотизёра Ронева. А гипнотизёр, видимо, сумел крепко усыпить вершителей судеб искусства в нашем городе.

В. МАРТЬЯНОВ,

председатель дорпрофсожа Северной дороги
Вологда.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва.

Изд. № 708. Подп. к печати 6/Х 1945 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1½. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 23025.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 2005. Тираж 114.000 экз.

Рис. К. Елисеева

Период
НИКАК НЕ УГОДИШЬ

Получ.

В раб.

Слава

архи

23/247

КРИВАЯ ВЫПОЛНЕНИЯ

— Ну и потребители пошли! Недовыполнишь план по ширпотребу — бранят. Перевыполнишь — кричат: «И зачем так много плохой продукции выпускаете!...»

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

СЛАВА БОГУ...

В одном из лондонских учреждений поздно ночью раздаётся звонок. Случайно запоздавший служащий неторопливо докуривает папиросу, подходит к окну, выбрасывает окурки на улицу и, подойдя к столу, берёт трубку.

— Чорт побери! Почему вы так долго не подходите к телефону? — кричит незнакомый голос.

— Эй, вы там, говорите потише! Вам кого?

— Как вы смеете так со мной разговаривать?! Вы знаете, кто говорит?! Я — генерал-директор!

— Чорт побери! — шепчет служащий, но неожиданно энергичным голосом спрашивает:

— А вы знаете, кто с вами говорит?

— Нет, — ответил генерал.

— Слава богу, — облегчённо вздыхает служащий, кладёт трубку и уходит домой.

ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ ДЕТЕКТИВА

— Я вижу, что вы всё ещё продолжаете носить тёплое бельё, Ватсон.

— Замечательно, Холмс! Путём какого умозаключения вы угадали это?

— Очень простого, мой друг: вы забыли надеть брюки.

СОГЛАСНО ЗАКАЗУ

Молодая, хорошенькая дама входит в аптеку. Провизор, дружелюбно улыбаясь, подходит к ней. Дама спрашивает провизора, не может ли он приготовить касторку без её неприятного вкуса и запаха.

— Сию минуту будет готово, — отвечает провизор и уходит за дверь.

Через несколько минут он выходит и предлагает даме стакан лимонада.

— С удовольствием, — отвечает дама и, выпив напиток, спрашивает, скоро ли будет готово лекарство.

— Вы только что выпили его, — с любезной улыбкой отвечает провизор.

— Сумасшедший! — кричит дама. — Касторка нужна не мне, а моему маленькому брату!